

С. А. Воронцов

ORCID: 0000-0002-6035-325X
✉ vorontsoff.s@gmail.com

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет (Россия, Москва)

Порочные священники в текстах поздней античности и раннего Нового времени: единство топики и различие контекстов

Аннотация. В статье рассматривается один из ключевых элементов антиклерикальной риторики раннего Нового времени — фигура порочного священника. Основной тезис статьи заключается в том, что описание этой фигуры имеет характер топоса, который формируется еще в поздней античности как вариант топоса тирана. В текстах Нового времени он актуализируется в том числе благодаря прямому цитированию источников эпохи патристики и опоре на них. Сущностными чертами фигуры порочного священника оказываются властолюбие и алчность, которые обращаются в тираническую власть благодаря проповедуемому суеверию и обрядам, что разрушительно сказывается на религии и нравственности подпавших под эту власть мирян. В позднеантичных текстах этот топос выполняет функции антимодели, ему противопоставлен идеал святого епископа, а реализация идеала или его противоположности зависит от носителя священства. В антиклерикальных выпадах раннего Нового времени вокруг этого топоса формируется образ клира в целом, направленный на критику священства как такового. При этом объяснения такой всеобщей порочности священников появляются в текстах позже, чем сам «портрет», и в отличие от него оказываются вариативными.

Ключевые слова: антиклерикализм, порок, тирания, честолюбие, алчность, лицемерие, клир, антимодель, поповство

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10143, <https://rscf.ru/project/19-78-10143>. Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Для цитирования: Воронцов С. А. Порочные священники в текстах поздней античности и раннего Нового времени: единство топики и различие контекстов // Шаги/Steps. Т. 9. № 3. 2023. С. 108–128. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-108-128>.

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2023 г.
Принято к печати 28 марта 2023 г.

S. A. Vorontsov

ORCID: 0000-0002-6035-325X

✉ vorontsoff.s@gmail.com

St. Tikhon's Orthodox University
(Russia, Moscow)

VICIOUS PRIESTS IN THE TEXTS OF LATE ANTIQUITY AND EARLY MODERNITY: THE UNITY OF TOPICS AND THE DIFFERENCE OF CONTEXTS

Abstract. The article considers the problem of early modern anticlericalism through the lens of topos studies. It is argued that the anticlerical description of the priest possesses the same traits in various philosophical and historical texts of the 17–18th centuries written by authors who did not share the same views even on the clergy. These traits, ambition and avarice, lead to the tyranny of the religious leaders, which is established by means of superstition and ritual (not by direct violence). Tyranny leads to the corruption of the laity, both morally and religiously. This description derives from Christian Antiquity when the predominantly rhetorical topos of the tyrant is projected onto the figure of the bishop. In patristic texts, this topos served as the cultural antimodel, as opposed to the image of the saintly bishop. The realization of this or that model depended on the qualities (vices or virtues) of the person carrying out the bishop's duties. In the early modern texts, this topos is at the core of the image of the clergy as a whole, which is used to criticize the state of priests in general. The explanatory framework of this corrupted character of the clergy (which may vary) appears later than the stable image of vicious priests.

Keywords: anticlericalism, vice, tyranny, ambition, avarice, hypocrisy, clergy, antimodel, priestcraft

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 19-78-10143, <https://rscf.ru/en/project/19-78-10143>. The project was organized by St. Tikhon's Orthodox University.

To cite this article: Vorontsov, S. A. (2023). Vicious priests in the texts of Late Antiquity and Early Modernity: The unity of topics and the difference of contexts. *Shagi / Steps*, 9(3), 108–128. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-108-128>.

Received February 6, 2023

Accepted March 28, 2023

Критика Церкви и клира представляется таким же атрибутом философских текстов эпохи Просвещения, как и парики — у их авторов: несколько странноватым, быть может, но привычным¹. Нередко она возводится к горячей полемике эпохи Реформации [Barnett 1999: 22–45] и к травме религиозных войн XVII в. и в целом объясняется политико-религиозным контекстом [Barnett 2003: 44–49]². При этом критика духовенства хорошо укладывается в общее видение раннего Нового времени как эпохи кардинальных перемен и генезиса современности³: в этот период формируются новая система знания, новый образ религии и общества. Антиклерикальные высказывания принадлежат новой инстанции — философу или историку, которые рассуждают о Церкви исходя из разумных (а не догматических) оснований. В первую очередь эта критика включается в исторический нарратив о христианстве [Ibid.: 51].

В то же время еще в конце XVIII в. один антифилософ отметил, что представление о всеобщих корысти и лицемерии христианских священников, особенно в период патристики, абсурдно [Bergier 1790: 256]. Можно видеть в этом представлении предрассудок или элемент политической риторики, но это не отвечает на вопрос о том, почему оно было именно таким и откуда оно берет начало. Для ответа на этот вопрос я хотел бы рассмотреть тексты, в которых выразилось это представление, сквозь призму исторической топологии Р. Э. Курциуса. Это позволит уйти от проблемы аргументации и аргументированности, включенности в ту или иную полемику, личных предпочтений того или иного автора, поскольку топологию интересует более глубокий уровень текстовой реальности, из которого уже складывается тот или иной аргумент [Махов 2008: 264]. По этой причине меня будут интересовать стабильные черты отрицательного портрета священников и контексты, в которые его вписывают.

В соответствии с задачами топологии я буду искать прообразы этого портрета не в критике Католической церкви эпохи Реформации⁴, а в античности, топика которой сохраняла свое значение и в раннее Новое время [Махов 2008: 264], но позднее, когда появляется фигура христианского священника. В рассмотренных мною случаях авторы ссылаются на древние тексты, почти игнорируя Средние века, так что обращение от нововременных текстов к позднеантичным диктуется в определенной степени и самими источниками.

Как представляется, обращение к исторической топологии в данном случае позволяет исследовать религию Нового времени вне оппозиции предметности и разрыва. Более конкретно, вопрос об антиклерикализме Нового времени недостаточно рассматривать как с точки зрения его абсолютной новизны, так и в русле повторения более ранних формул. Постоянство и пластичность топоса, судя по всему, позволяет более дифференцированно подходить к проблеме. При этом приходится допустить, что топосы образу-

¹ Например, об антиклерикализме Канта можно встретить такое высказывание: «В этом смысле Кант является в полной мере сыном своего века» [Reboul 1970: 142].

² См. там же библиографию.

³ Об этиологическом мифе модерна с умной иронией говорит Л. Дастон [Daston 1998: 149–151].

⁴ Подобным образом в ортодоксальной христианской учености истоки французского атеизма обнаруживает Корс [Kors 1990: 3–4].

ют канву не только в истории изящной словесности, но и по меньшей мере в философских текстах. Данная статья является лишь этюдом к предложенной теме, постановкой проблемы, и не претендует на полноту.

Исследование состоит из двух частей. В первой рассматриваются прежде всего философские тексты⁵ раннего Нового времени и вычленяются стабильные черты описания священников в них. Именно поэтому собственно теологические, исходящие из конфессиональных предпосылок тексты во многом остаются за пределами данного исследования. Во второй части этот топос прослеживается в литературе эпохи патристики, причем отправной точкой анализа являются ссылки на древние источники в текстах первой части. В заключение я указываю на изменение контекстов, в которые вписывается этот топос, что объясняет не только стабильность, но и изменчивость антиклерикальной риторики. Проследить основания этих изменений — задача отдельной работы, которая может находиться в русле трансформации статуса пороков/добродетелей в этике раннего Нового времени.

1

В философской и исторической литературе XVII–XVIII вв. отрицательный образ священника и клира в целом встречается нередко. Я приведу лишь несколько случаев, обращая внимание на те черты, которые приписываются духовенству, и контексты, в которых приводится описание плохих священников. В рассмотрении избран обратный хронологический порядок, который, на мой взгляд, позволяет рельефнее обозначить ядро антиклерикальных высказываний и его стабильность по сравнению с изменчивыми контекстами.

Обратимся к нескольким развернутым рассуждениям философов о Церкви и священниках. В «Религии в пределах только разума» (1793) И. Кант вводит понятие «поповство» (Pfaffenthum), подразумевающее определенную форму «духовного деспотизма»⁶. В то же время это такое устройство Церкви (Verfassung), в котором реализуется «фетишизм», т. е. ложная религиозность с преобладанием обрядов над нравственным совершенствованием⁷. Значение имеет не внешняя форма, а основополагающий принцип (Constitution) этого церковного устройства, который является деспотическим и предполагает деление на клир (это слово Кант употребляет только в рассматриваемом пассаже) и мирян. Клир получает возможность власти над мирянами (в том числе над главой государства) без разумного основания. При этом среди мирян распространяются лицемерие и моральное рабство [Kant 1879: 195], а духовенство получает «узурпированное господство» над душами⁸. Именно форма органи-

⁵ То есть отсылающие к разуму, а не — так или иначе — к Откровению.

⁶ «Diese bloß das Ansehen eines geistlichen Vaters (πάλα) bezeichnende Benennung erhält nur durch den Nebenbegriff eines geistlichen Despotismus...» [Kant 1879: 190] (здесь и далее разрядка моя).

⁷ «Das Pfaffenthum ist also die Verfassung einer Kirche, sofern in ihr ein Fetschdienst regiert, welches allemal da anzutreffen ist, wo nicht Principien der Sittlichkeit, sondern statutarische Gebote, Glaubensregeln und Observanzen die Grundlage und das Wesentliche desselben ausmachen» [Kant 1879: 195]. См.: [Rotenstreich 1980].

⁸ «Pfaffenthum also würde überhaupt die usurpirte Herrschaft der Geistlichkeit über die Gemüther sein...» [Kant 1879: 218].

зации, а не внутреннее расположение ее участников, описывается в качестве главного основания поповства [Rotenstreich 1980: 72–73]. Впрочем, священники находятся у Канта под подозрением во властолюбии⁹. Стоит подчеркнуть, что поповство в «Религии в пределах только разума» — это не просто эпизод, оно упомянуто в заглавии четвертой части и оказывается одним из основных составляющих «лжеслужения», противопоставленного религии¹⁰. Более того, Кант среди прочих зол исторического христианства указывает и на кризис гражданского порядка и упадок государства на Востоке и Западе в связи с депотизмом духовенства [Kant 1879: 141]. Таким образом, говоря об опасности поповства, Кант отсылает к историческому аргументу.

Д. Дидро счел нужным предварить пространным рассуждением о плохих священника описание программы богословского факультета для «Проекта Университета» (1775–1776). При этом, по мысли Дидро, само положение (état) священника — а не его личная порочность — располагает его к лицемерию, жестокости, нетерпимости, скрытности и низости, определяющими его стремление к власти¹¹. Более того, явные личные пороки значительно менее опасны, поскольку они дискредитируют авторитет клира [Diderot 1875: 511], наоборот, «священник чем более свят, тем более опасен»¹². Главной «добродетелью» священника Дидро называет лицемерие¹³. При этом он говорит о том, что священники интригуют и против государя, и против народа как о чем-то само собой разумеющемся [Дидро 1947: 348]¹⁴. Все это Дидро высказывает не в контексте какой-то антиклерикальной инвективы, он предлагает такой план образования священников, который позволил бы сделать их «людьми образованными, мирными и полезными», поставив под жесткий контроль государства [Diderot 1875: 517].

Отрицательный образ священника в этих рассуждениях относится так или иначе к большинству клириков, и состоит в первую очередь во властолюбии, с которым соседствуют лицемерие (их самих или в качестве эффекта власти клира — у мирян), жестокость и в значительно меньшей мере корыстолюбие. Это описание обрамляется теоретическими объяснениями и отсылками к общему знанию о политической неблагонадежности священников, в более развернутом рассуждении Канта сопровождающегося отсылками к истории христианства. Общим же контекстом являются политические рассуждения (у

⁹ «...anstatt sie (die Priester. — C. B.) in den engen Schranken eines bloßen Lehrstandes (aus dem sie jederzeit in einen regierenden überzugehen geneigt sind), zu halten...» [Kant 1879: 141].

¹⁰ См., например: [Reboul 1970: 142–143].

¹¹ «Son état l'incline à la dureté, à la profondeur et au secret. (...) Le prêtre est intolérant et cruel (...) Et si je le peins ici avec des couleurs effrayantes, c'est qu'il faut négliger les exceptions et le connaître tel qu'il est par état, pour l'instituer tel qu'il doit être; je veux dire saint ou hypocrite» [Diderot 1875: 511]. Издатель текста, Ж. Ассеза, попутно отмечает, что этот портрет священника соответствует высказанному Дидро в других сочинениях.

¹² «Plus il est saint, plus il est redoutable» [Diderot 1875: 511]. Здесь и далее русский текст Д. Дидро приводится в переводе П. И. Люблинского.

¹³ «L'hypocrisie est une vertu sacerdotale; car le plus pernicieux des scandales est celui que le prêtre donne» [Diderot 1875: 511].

¹⁴ В данном случае я использовал русский перевод, поскольку он включает отрывки, отсутствующие во французском издании и восполненные по другой рукописи (см. замечание издателя в [Дидро 1947: 540]).

Канта, кроме того, важен собственно религиозный аспект), в которых этот отрицательный образ призван указать на риски, связанные с невниманием властей к духовенству, и необходимость контроля над ним.

Одно из наиболее влиятельных исторических сочинений XVIII в. — «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788) Э. Гиббона. В этом сочинении он высказывается афористично и созвучно Дидро: «...в глазах философа пороки духовенства гораздо менее опасны, чем его добродетели»¹⁵. Он противопоставляет философский взгляд протестантскому, который смакует пороки курии и порнокрапию. По его мнению, не эти пороки, а стремление к власти Григория VII (которому были свойственны «суровость и рвение») послужило возвышению папского престола над всеми царствами земными, а поражение этому проекту окончательно нанесло усиление (improvement) человеческого разума [Gibbon 1914 (5): 319]. Говоря о появлении клира, Гиббон указывает на определенную антропологическую константу — человеческий характер (human character), который побудил христиан строить свою республику (commonwealth) внутри Римского государства и способствовал «неразборчивости в средствах» к ее возвышению [Ibid. (1): 41–42]. Стремление к личному возвышению и власти неизбежно оказывалось в основе действий церковной администрации. Само отделение клира от народа Гиббон рассматривает как предпосылку борьбы за власть: из властолюбия (love of power), которое под разными видами вкрадывалось в сердца епископов, они разработали эффективную систему управления людьми через наказание и поощрение¹⁶. Так и у Гиббона властолюбие и лицемерие, которые исподволь охватывают духовенство, оказываются ключевыми его чертами.

В описании становления клира Гиббон отсылается в первую очередь к протестантской историографии — Ж. Леклерку, Ф. Спангейму и И.-Л. Мосгейму¹⁷. Обратимся к текстам наиболее знаменитого из них — Мосгейма. В разделе «Установлений церковной истории» (1737), посвященном III веку, красочно описывается подражание епископов светским правителям: они сидят на тронах, облаченные в роскошные одежды, в окружении слуг и народа¹⁸. Им подражают пресвитеры и диаконы, и это порождает множество пороков, среди которых Мосгейм отмечает высокомерие и роскошь¹⁹. В другом сочинении — «Об истории христианства до Константина Великого» (1753) —

¹⁵ Пер. В. Н. Неведомского. «The Protestants have dwelt with malicious pleasure on these characters of Antichrist; but to a philosophic eye, the vices of the clergy are far less dangerous than their virtues» (гл. 49) [Gibbon 1914 (5): 319].

¹⁶ «Their mutual hostilities sometimes disturbed the peace of the infant church, but their zeal and activity were united in the common cause, and the love of power, which (under the most artful disguises) could insinuate itself into the breasts of bishops and martyrs (<...> they had acquired, and they employed within their own society, the two most efficacious instruments of government, rewards and punishments» (гл. 50) [Gibbon 1914 (2): 50].

¹⁷ Гиббон во многом следует Мосгейму в нарративе, но в идеологии и объектах антиклерикальной критики они расходятся. См.: [Росcock 2010: 276–279].

¹⁸ «Iura principum affectabant iam plerique episcopi, maxime illi, in quorum fide coetus erant numerosiores & opulentiores, quippe qui throno, ministris, aliisque sacrae maiestatis signis, forte etiam vestimentis splendidis, populi oculos & animos fallebant» [Mosheim 1737: 219].

¹⁹ «...illud multo magis dolendum, quod sacer ordo hominibus iam abundavit voluptate, luxu, arrogantia, multisque aliis vitiis inquinatus» [Mosheim 1737: 219–220].

он говорит о появлении клира более развернуто. Киприан прямо называется одним из поборников епископских власти и почета (*honore et potestate*) [Mosheim 1753: 587–588]. Мосгейм, однако, также видит причиной сосредоточения власти в руках епископа — естественный для человеческого общества процесс. Он замечает, что люди «по природе стремятся к власти» (*homines sunt ipsa natura imperiosi*) [Ibid.: 588]. При этом Мосгейм оговаривает, что были не только порочные, но и образцовые священники [Ibid.: 587]. Для него образ порочного клира, формирующегося в ходе борьбы за власть, определяется и самой природой человека (т. е. естественными причинами), и подражанием светским правителям в русле «впадения Церкви в язычество» (результатом которого явился католицизм) — его позиция оказывается между умеренной просвещенческой и традиционной лютеранской [Рососк 2010: 210–212].

В других — как правило, более ранних — текстах порча нравов клира включена только в нарратив о «впадении в язычество» без рассуждений о природе человека. Причем клир представлен одним из главных виновников утраты первоначальной чистоты христианства. Например, П. Джанноне (1676–1748) в позднем сочинении «Трицарствие» (которое не было опубликовано при его жизни) пишет о трех последовавших друг за другом состояниях управления Церковью: папство (безо всякой власти), власть наблюдения за дисциплиной (появление епископата) и господство епископов над клиром и людьми. Последняя форма управления рассматривается как неправильная²⁰ и возникающая благодаря языческому влиянию [Giannone 1940: 36–37].

Деисты использовали для этой связки порочного клира и извращенной религии элегантное слово *priestcraft*²¹. Дж. Деннис определяет его в трактате 1702 г. следующим образом: «Все, что духовенство делает, чтобы умножить свое мирское величие, есть *priestcraft*, поскольку оно противно смирению, кротости и чистоте» [Dennis 1702: 7]. Это стремление к величию опасно с политической точки зрения — он замечает, что это гораздо разрушительнее для государства, чем открытая безнравственность [Ibid.: 7], — и религиозной: в наследии Денниса есть книга с характерным названием «Различие между *priestcraft* и христианством» (*Priestcraft distinguish'd from Christianity*) (1715).

В конце жизни Дж. Толанд пишет «Историю друидов» (она была опубликована посмертно, в 1726 г., в составе «Истории кельтской религии и учености»), в которой он стремится показать «историю *priestcraft* как таковую»²².

²⁰ «...onde saviamente fu osservato da uomini dottissimi che nel governo delle chise si devono attentamente separare tre cose: l' una è l'offizio o ministero pastorale, e questo è di ragione divina, poiché Cristo espressamente lo lasciò a' ministri della sua Chiesa; l'altra è l'eminenza, ovvero soprintendenza, che fu dapoi per consuetudine introdotto di darsi in alcune chiese per miglior governo de' preti a chi fosse capo ed ispettore di tutto il presbiterio, e ciò, appartenendo i alla disciplina, a dovere vien riputato essere di ragione ecclesiastica (...) l'altra è quella che non fu giammai intesa né da Cristo, né dalla Chiesa, ed è la dominazione sul clero e sulla plebe, e questa come interdotta ed aborrita, vien qualificata un' usurpazione...» [Giannone 1940: 36].

²¹ В. К. Мюллер переводит это слов как «вмешательство духовенства в светские дела; интриги и козни духовенства» [Мюллер 1971: 594], определение Денниса в достаточной степени отражает это значение, и я оставляю это слово без перевода. В целом же о понятии *priestcraft* см.: [Lancaster, McKenzie-McHarg 2018].

²² «...the *History of the Druids*, in short, is the complete *History of Priestcraft*, with all its reasons and resorts» [Toland 1814: 56].

В жречестве друидов Толанд видит образцовое *priestcraft*, поскольку оно порождает в народе невежество, а священникам дает власть и выгоду²³. Далее Толанд описывает эту власть (которую он в другом месте прямо характеризует как тираническую²⁴), совмещенную с неприкосновенным статусом друидов, и указывает, что друиды быстро приспособились к христианству вместо того, чтобы бороться с ним, намекая на то, что христианский клир Ирландии воспринял пороки друидов [Toland 1814: 57–60].

Перу Толанда принадлежит и повествование о Гипатии (1720), в котором Кирилл Александрийский и его клирики получают очень яркие характеристики. Кирилл наделен феноменальным честолюбием, завистью и гневом²⁵, а его клирики называются «бесчеловечными чудовищами»²⁶. При этом Толанд не просто рассказывает историю о противостоянии клира и светских интеллектуалов и магистратов, но и выводит из нее политическую мораль, указывая, что такое событие неизбежно должно было произойти там, где клир вмешивается в гражданские дела²⁷. Подобный же тиранический портрет Афанасия Александрийского, монашества и трансформировавшегося под его влиянием клира рисует и И. Ньютон [Iliffe 1999: 108–110]²⁸. В другом месте он приводит цитату из «Жизни Иеронима» Эразма, где говорится о благочестии клира, которое в суете мирских дел и почестей обратилось в «тиранию и надменность»²⁹.

В данных Гиббоном, Мосгеймом и Джанноне описаниях становления клира, его ранней истории (в лице почитаемых католиками, что немаловажно, Афанасия и Кирилла Александрийских) и его «чистого типа» — друидов — стремление к власти и установление тирании составляет ядро самого процесса развития духовенства. Жестокость (или надменность) при этом отмечается чаще, чем корыстолюбие.

²³ «...no heathen priesthood ever came up to the perfection of the Druidical <...> as having been much better calculated to beget ignorance, and an implicit disposition in the people, no less than to procure power and profit to the priests...» [Toland 1814: 56].

²⁴ «...if their thirst after power be as insatiable, and their exercise of it be as partial and tyrannical over the laity» [Toland 1814: 64].

²⁵ Например: «You may therefore expect to hear of vengeance from the Priest whom the same Nicephorus represents proud, seditious, a boutefeu, a persecutor?» [Toland 1720: 127]; «For Cyril was a mighty pretender to Letters, and one of those Clergymen who will neither acknowledge nor bear the superiority of any Laymen in this respect...» [Ibid.: 131]; «And now Cyril's name puts me once in mind of him, how insufferable a burlesquing of God and Man is to revere so ambitious, so turbulent, so perfidious and so cruel a man as a Saint?» [Ibid.: 135].

²⁶ «Nothing, I say, but the blood of Hypatia, shed in the most inhuman manner, cou'd glut the fury of Cyril's Clergy: for these were the monsters, that putting off all humanity, committed this barbarous murder» [Toland 1720: 130].

²⁷ «...for where was it ever otherwise, when the Clergy were permitted to share in the government of civil affairs?» [Toland 1720: 127]. При этом позиция Толанда по отношению к священству не была однозначной — он полагал, что *priestcraft* наступает тогда, когда мирянина побуждают безоговорочно верить тому, что говорит религиозный лидер. См.: [Daniel 1984: 21–59, особенно 27].

²⁸ Cfr: «Sed ideo hæc non imitantur quando nec justos sequuntur, ita autem sceleratorum omnium duces quærunт Ecclesiæ principatum, quasi Tyrannidis regnum aliquod» (Newton n. d. Yahuda Ms. 2.5b. Fol. 8°).

²⁹ «Et multorum vita displicebat, iam tum prisca illa pietate sacerdotum ad tyrannidem ac fastum degenerante» [Erasmus 1933: 145] = Newton n. d. Yahuda Ms. 2.5b. Fol. 59°.

Философские тексты XVII в. представляют топос плохих священников в наиболее чистом виде. Основными характеристиками клира оказываются честолюбие и корыстолюбие. В «Богословско-политическом трактате» (1670) Б. Спинозы именно эти качества (*ambitio et avaritia*) ведут к распространению суеверия и предрассудков³⁰. Честолюбие является частой прямой характеристикой клира и у Гоббса в «Левиафане»³¹, иногда в сочетании со стремлением к выгоде (*ambition or profit / lucro vel ambitioni*)³². Г. Гроций в трактате «О первосвященстве» (1638) говорит о порче нравов священства (в первую очередь римского) на фоне процветания религии и усиления могущества и власти клира³³, что впоследствии выливается в пороки честолюбия и корыстолюбия (*ambitio et avaritia*) [Grotius 1732: 751]. Корысть указывает в качестве одного из ключевых качеств клира и Э. Герберт Чербери, в трактате «Об истине» (1624) отмечая коварство священников, когда дело идет об их выгоде, и никчемность «в делах религии»³⁴, что связано с их вмешательством в сферу мирского [Herbert of Cherbury 1633: 213–214].

Любопытно, что сама церковная историография производила на Гроция (и, видимо, не на него одного) подобное впечатление. В письме от 2 ноября 1613 г. к Г. Фоссу он говорит о «Магдебургских центуриях»: «...о чем ином читает тот, кто читает “Церковную историю”, как не о пороках епископов?»³⁵. Содержание «Церковных анналов» Барония, по его мнению, не многим лучше³⁶. Таким образом, о безнравственности духовенства в глазах Гроция одинаково свидетельствовал и протестантский историографический проект, в котором критика клира смотрелась вполне естественно, и католический — созданный в пик протестантскому. При этом уже во второй центурии (т. е. в томе, посвященном II веку) в разделе об управлении Церковью говорится, что «духов-

³⁰ «...simul ac enim hic abusus in ecclesia incepit, statim pessimo cuique ingens libido sacra officia administrandi incessit, et amor divinae religionis propagandae in sordidam avaritiam et ambitionem, atque ita ipsum Templum in Theatrum degeneravit, ubi non Ecclesiastici Doctores, sed Oratores audiebantur, quorum nemo desiderio tenebatur populum docendi, sed eundem in admirationem sui rapiendi, et dissentientes publice carpenti, et ea tantum docendi, quae nova ac insolita, quaeque vulgus maxime admiraretur...» [Spinoza 1882: 372].

³¹ Ср. определение «царства тьмы»: «This considered, the Kingdome of Darknesse, as it is set forth in these, and other places of the Scripture, is nothing else but a “Confederacy of Deceivers, that to obtain dominion over men in this present world, endeavour by dark, and erroneous Doctrines, to extinguish in them the Light, both of Nature, and of the Gospell; and so to disprepare them for the Kingdome of God to come”» [Hobbes 2008: 333].

³² «To die for every tenet that serveth the ambition, or profit of the Clergy, is not required...» [Hobbes 2008: 334].

³³ «Opes & potentia mirum in modum mores corrumpunt, praesentim si ex regno adjuncto impunitas adsit. Ita factum est ut Ecclesia Romae, ipseque Clerus non minus quam plebs, imo multo etiam magis, ab illa integritate morum ad sacerdotii usum necessaria, quamdiu sub Paganis Imperatoribus ad frequential usque martyria, sub Christianis aliquo certo tempore floruerant, primo aulae regalis, Imperatorum exemplo, Christianismum nomine prosipientis contagio, deinde opibus luxum aliaque vitia adferentibus, in annos diesque in pejus sit lapsa» [Grotius 1732: 750].

³⁴ «...tamen gens aliquando vafra et subdola (lucro mimimum proprio) aliquando etiam et inepta fuit, plurima fub Religionis nomine, quae Religionem minime sapiunt, invexit» [Herbert of Cherbury 1633: 213–214].

³⁵ «Qui Ecclesiasticam Historiam legit, quid legit nisi Episcoporum vitia?» [Grotius 1928: 277].

³⁶ «Si Annales mei prodierint, dicentur haud leviora» [Grotius 1928: 277].

ное Царство Христа начало превращаться в мирское и политическое и скорее стремится к власти, чем к служению»³⁷. Тот же раздел в четвертой центурии уже говорит о тиранических и корыстных устремлениях некоторых епископов (однако начинается он с упоминания достойных пастырей) [Ecclesiastica Historia 1559–1574 (4): 484].

Подобные примеры можно было бы легко умножить, однако из приведенных случаев видно, что на протяжении XVII–XVIII вв. в философских и исторических сочинениях разных авторов, далеко не во всем согласных друг с другом, присутствует отрицательный образ священников, черты которого могут описываться устойчивой формулой и который, следовательно, можно рассматривать как топос. Причем в более ранних произведениях он представлен в наиболее чистом виде, поскольку в характеристике клира стабильно присутствуют пороки честолюбия и корыстолюбия, а объяснение причин такой порочности клира скорее отсутствует. Эти пороки ведут к стремлению к тиранической власти, которая достигается скорее обманом, чем прямым насилием. В более поздних текстах тема корыстолюбия может отходить на второй план, в то время как властолюбие раскрывается через гнев и жестокость. Тема обмана, который связан в первую очередь с распространением суеверия, может развиваться и в сторону лицемерия (как порока и как общественного вреда). В поздних текстах появляется вариативное объяснение порочности клира: естественным стремлением к власти (Мосгейм, Гиббон), самим положением священника (Дидро), принципом построения церковной власти (Кант).

2

Как уже говорилось вначале, образ плохих священников широко использовался в риторике деятелей Реформации, боровшихся против власти клира («тирании священников»). Однако в первую очередь историки, говоря о порче нравов клира, опирались на произведения авторов поздней античности, весьма чувствительных именно к риторическому измерению высказывания. Прежде всего я обращаюсь к тем источникам, на которые даются ссылки в рассмотренных пассажах раннего Нового времени, — они послужат отправной точкой для выявления топики плохого священника в позднеантичной литературе и тех линий, по которым эта топика могла быть унаследована философской литературой Нового времени.

Гиббон вслед за Мосгеймом указывает на фигуру Киприана Карфагенского и его сочинения [Gibbon 1914 (2): 47; Mosheim 1737: 219; 1753: 587, 598]. Сам Мосгейм опирается, кроме того, на пассаж из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского и «Толкований на Матфея» Оригена [Mosheim 1737: 219; 1753: 598]. Обратимся для начала к этим отрывкам.

Мосгейм отсылает к двум отрывкам у Оригена (185 — ок. 254). В обоих отрывках Ориген говорит о стремлении епископов к тирании. В первом случае указывая, что не все епископы следуют призыву Христа «кто хочет между

³⁷ «Nunc videndum et exponendum venit, quid hoc proxime-sequenti seculo sit observatum: quod (...) regnum Christi spirituale in mundanum et politicum coeperint transformare, et magis imperium, quam ministerium quaerere visae sint» [Ecclesiastica Historia 1559–1574 (2): 94].

вами быть бóльшим, да будет вам слугою» (Мф 20:26)³⁸. Во втором — толкуя изгнание Христом из храма торгующих (Мф 21:12), он сравнивает меновщиков и продающих голубей с такими епископами, пресвитерами и диаконами, пороки которых состоят прежде всего в жадности и тирании³⁹. Далее он говорит о диаконах, несправедливо распределяющих деньги, епископах и пресвитерах, любящих почести и преданных мирским делам⁴⁰. Подобные же упреки в отречении от мира лишь на словах, преследовании своей выгоды и пороках власти — гордости и раздорах — делает собратьям и Киприан Карфагенский⁴¹.

Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» говорит о недавнем прошлом — гонении Диоклетиана (303–313), и его описание плохих епископов, в отличие от предыдущих текстов, отсылает не к современникам. Порча нравов духовенства и мирян в его нарративе объясняет причину открывшихся гонений. Евсевий указывает на властолюбие и тиранию епископов, зависть, ненависть, лицемерие и притворство⁴². Таким образом, властолюбие священников служит элементом характерного для эпохи нарратива воздаяния [Di Lauro 2007: 220].

Стоит упомянуть и яркий портрет Павла Самосатского, созданный отцами Антиохийского собора 269 г. и переданный Евсевием в седьмой книге «Церковной истории». Власть Павла характеризуется как тираническая⁴³, при этом его обвиняют в корыстолюбии и гордости⁴⁴. Отдельно епископы отмечают театральный характер богослужения и жесты Павла, скорее характерные для софиста, чем для епископа⁴⁵. Интересно, что Руфин, переводя этот отрывок, использует оппозицию «ритор — учитель Церкви»⁴⁶. Именно этот образный ряд и эту оппозицию будет использовать Спиноза в «Богословско-политическом трактате»⁴⁷. Пример Павла Самосатского привлекал и Гиббона, который использует его как характерный для эпохи, указывая, что все описанные по-

³⁸ Orig. in Matth. XVI.8.724.

³⁹ Orig. in Matth. XVI.22.752: «Καὶ νομίζω ἀρμόζειν τὸν περὶ τῶν πολούτων τὰς περιστεράς λόγον τοῖς παραδίδουσι τὰς ἐκκλησίας αἰσχροκερδέσι καὶ τυραννικοῖς καὶ ἀνεπιστήμοσι καὶ ἀνευλαβέσιν ἐπισκόποις ἢ πρεσβυτέροις ἢ διακόνοις».

⁴⁰ Orig. in Matth. XVI.22.753–754.

⁴¹ Cyrpian. ep. 11.1.2: «Fecit dominus noster uoluntatem patris, et nos non facimus dei uoluntatem, patrimonio et lucro studentes, superbiam sectantes, aemulationi et dissensioni uacantes, simplicitatis et fidei neglegentes, saeculo uerbis solis et non factis renuntiantes, unusquisque sibi placentes et omnibus displicentes».

⁴² Evseb. hist. VIII.1.7–8: «...τε ὑποκρίσεως ἀφάτου καὶ τῆς εἰρωνείας ἐπὶ πλεῖστον ὅσον κακίας προίουσης, ἡ μὲν δὴ θεία κρίσις, οἷα φίλον αὐτῇ, πεφεισμένως (...) οἱ τε δοκοῦντες ἡμῶν ποιμένες τὸν τῆς θεοσεβείας θεσμὸν παρωσάμενοι ταῖς πρὸς ἀλλήλους ἀνεφλέγοντο φιλονεικίας, αὐτὰ δὲ ταῦτα μόνα, τὰς ἐριδας καὶ τὰς ἀπειλὰς τὸν τε ζῆλον καὶ τὸ πρὸς ἀλλήλους ἔχθος τε καὶ μῖσος ἐπαύξοντες οἷά τε τυραννίδας τὰς φιλαρχίας ἐκθύμως διεκδικοῦντες...»

⁴³ Evseb. hist. VII.30.15: «ὧν ἕνεκα στενάζουσι μὲν καὶ ὀδύρονται πάντες καθ' ἑαυτούς, οὕτω δὲ τὴν τυραννίδα καὶ δυναστείαν αὐτοῦ πεφόβηται, ὥστε κατηγορεῖν μὴ τολμᾶν».

⁴⁴ Evseb. hist. VII.30.7–8.

⁴⁵ Evseb. hist. VII.30.9.

⁴⁶ Rvfin. hist. VII.30.9: «ab auditoribus uero non fauorem neque plausum sperare solum, sed theatrally more oraria moveri sibi expectabat et uoces tamquam de caucis dari (...) suas laudes inuerecunde inpudenterque iactabat, rhetorem se magis quam ecclesiae doctorem laudari cupiebat».

⁴⁷ См. сночку 30.

роки не привели бы к его низложению, если бы он не уклонился от ортодоксии [Gibbon 1914 (2): 122–123].

Как видим, описание плохих епископов (или священников) прежде всего через пороки, связанные с властью и выгодой, возникают в христианской литературе довольно рано — уже Ориген и Евсевий (и приводимая им цитата из соборного послания 269 г.) непосредственно говорят о тирании, включаясь в экзегетические и исторические тексты. Цитата из «Жизни Иеронима» Эразма Роттердамского, которая привлекла внимания Ньютона, где клир впадает в пороки тирании и надменности, находится в том же русле.

Фигура плохого священника включается и в специфические трактаты о священстве. Начало им положила «Апология» Григория Назианзина (ок. 325–389), содержащая в себе элементы протрептика и апотрептика (т. е. и убеждающая принять священство, и разубеждающая в этом) [Elm 2015: 41; Антонов 2021: 40–41]. Григорий указывает среди причин уклонения от принятия священства множество тех, кто «теснятся и толкаются» возле алтаря, находя в служении средство к пропитанию и власти⁴⁸.

В третьем из «Слов о священстве» Иоанна Златоуста (347–407) подробно рисуется портрет плохого священника, определяющим пороком которого является стремление к власти и господству⁴⁹. Отдельно говорится о гневе (и производных), тщеславии, человекоугодии, обмане и лицемерии⁵⁰. При этом, по Златоусту, плохо не само священство, а неготовые к нему люди⁵¹. Далее автор (фигура которого в позднеантичных текстах важна с точки зрения «духовных упражнений», см.: [Адо 2005: 60–61], — в данном случае в русле убеждения и разубеждения, — а не его автобиографии) замечает, что он едва и сам не принял священство, будучи неготовым⁵². Таким образом, как и у Григория Назианзина, у Златоуста фигура плохого священника служит для того, чтобы скорее отговорить читающего от слишком возвышенного дела священства.

В V в. Руфин переводит на латынь комментарии на «Евангелия от Матфея» Оригена, «Апологию» Григория и «Церковную историю» Евсевия. В собственно латинских текстах о священстве этого времени тоже можно встретить подобную «тираническую» топику. В конце V в. Юлиан Померий пишет труд «О созерцательной жизни», посвященный званию и делу епископа. В нем есть пространное описание предстоятелей, живущих плотски. Юлиан указывает на их стремление к деньгам и славе⁵³, и далее — буквально говорит о тиранической власти, которую такие епископы получают над людьми⁵⁴. Ав-

⁴⁸ Greg. Naz. or. 2.8: «ἐπάθον δ' οὖν ἡσχύνθην ὑπὲρ τῶν ἄλλων, ὅσοι (...) πρὶν ἄξιοι γενέσθαι προσίεναι τοῖς ἱεροῖς, μεταλοιοῦνται τοῦ βήματος, θλίβονται τε καὶ ὠθοῦνται περὶ τὴν ἁγίαν τράπεζαν, ὡσπερ οὐκ ἀρετῆς τύπον, ἀλλ' ἀφορμὴν βίου τὴν τάξιν ταύτην εἶναι νομίζοντες, οὐδὲ λειτουργίαν ὑπεύθυνον, ἀλλ' ἀρχὴν ἀνεξέταστον».

⁴⁹ Chrysost. de sacer. 3.10.58–60: «Ἐγὼ δὲ οὐ τοῦ ἔργου, τῆς δὲ αὐθεντίας καὶ δυναστείας ἐπιθυμεῖν εἶπον εἶναι δεῖνόν».

⁵⁰ Chrysost. de sacer. 3.9.1–27.

⁵¹ Chrysost. de sacer. 3.10.1–17.

⁵² Chrysost. de sacer. 3.10.18–21.

⁵³ Pomer. I.21.1: «...non ut meliores, sed ut ditiores; nec ut sanctiores, sed ut honoratiores simus caeteris festinamus...»

⁵⁴ Pomer. I.21.3: «...ad hoc tantum potentes effecti, ut nobis in subiectos dominationem tyrannicam uindicemus...»

тор заключает, что опасность такого порока заставила его подумать о бегстве от епископства⁵⁵. Этот ход мысли роднит тексты Юлиана, Иоанна и Григория.

Григорий Великий в широко известном «Пастырском правиле» (конец VI в.) пишет о том, какое стремление к епископству является ложным. Признаками его является жажда почестей и славы (явная или скрытая от самого человека). Если в его основе лежит честолюбие, это обернется несоответствием внешнего и внутреннего, христианского пастырства и удовлетворения собственной гордости и поиска выгоды⁵⁶. Хотя Григорий здесь и не говорит о лицемерии прямо, можно сказать, что оно подразумевается. При этом для епископского сана пригодными фактически оказываются только святые люди⁵⁷. Важно, однако, что одним из ключевых мотивов мысли Григория является смирение [Straw 1988: 242–256]⁵⁸, и в «Пастырском правиле» смирению уклоняющегося кандидата он противопоставляет волю Бога и тех, кто решил его рукоположить⁵⁹. Таким образом, и здесь указание на пастырские пороки и неправильное стремление может иметь целью навести читателя на мысль о собственном достоинстве.

Итак, в этих текстах, непосредственной темой которых является священство, фигура честолюбивого и корыстного священника обретает цельность, но ее функцией парадоксальным образом оказывается демонстрация высоты требований к пастырю, что ведет читателя к осознанию собственного недостатка и к смирению.

Кроме того, «плохой священник» был включен в различные инвективы, а властолюбие и алчность были частыми темами критики духовенства этой эпохи [Dockter 2013: 77–177]. Причем выпады такого рода могли исходить и от нехристианских авторов. Так, в истории Гипатии Толанд приводит цитату из Евнапия, нехристианского автора IV в., в которой монахам приписывается «тираническая власть»⁶⁰. А характеристика «зверского» клира и Кирилла, на-

⁵⁵ Pomer. I.21.4: «Et hoc est totum propter quod imperitiae meae ac futuri finis recordatus ingemui, et uolui, sarcina episcopatus mei deposita, elongare fugiens, et manere in solitudine, et ibi exspectare Dominum, qui me saluum faceret a pusillanimitate mea, et ab ipsa intolerabilium mihi sollicitudinum tempestate».

⁵⁶ Greg. M. *past.* I.8: «Ipse ergo sibi testis est quia episcopatum non appetit, qui non per hunc boni operis ministerium, sed honoris gloriam quaerit. Sacrum quippe officium non solum non diligit omnino, sed nescit, qui ad culmen regiminis anhelans, in occulta meditatione cogitationis ceterorum subiectione pascitur, laude propria laetatur ad honorem cor eleuat, rerum affluentium abundantia exultat. Mundi ergo lucrum quaeritur sub eius honoris specie quo mundi destrui lucre debuerunt. Cumque mens humilitatis culmen arripere ad elationem cogitat quod foris appetit, intus immutat». Cp. Greg. M. *past.* I.9: «Quod mens praesae uolentium plerumque sibi ficta bonorum operum promissione blanditur».

⁵⁷ Greg. M. *past.* I.10: «Ille igitur, ille modis omnibus debet ad exemplum uiuendi pertrahi, qui cunctis carnis passionibus moriens iam spiritaliter uiuit, qui prospera mundi postposuit, qui nulla aduersa pertimescit, qui sola interna desiderat».

⁵⁸ О необходимости смирения для наставника: [Straw 1988: 203–204].

⁵⁹ Greg. M. *past.* I.6: «Et sunt nonnulli qui ex sola humilitate refugiant, ne eis quibus se impares aestimant praeferantur (...). Neque enim uere humilis est, qui superni nutus arbitrium ut debeat praeesse intelligit, et tamen praesae contemnit. Sed diuinis dispositionibus subditus, atque a uitio obstinationis alienus, cum sibi regiminis culmen imperatur, si iam donis praecentus est, quibus et aliis prosit, et ex corde debet fugere, et inuitus obedire».

⁶⁰ Eunap. *vitae sophist.* (Anton.) 472: «τυρανικὴν γὰρ εἶχεν ἐξουσίαν τότε πᾶς ἄνθρωπος μέλανιαν φορᾶν ἐσθῆτα, καὶ δημοσίᾳ βουλόμενος ἀσχημονεῖν· ἐς τοσόνδε ἄρεθῆς ἤλαξε τὸ ἀνθρώπινον...»

деленного узнаваемыми чертами тирана — безудержной завистью и жестокостью, — позаимствована из «Жизни Исидора» Дамаския⁶¹. Начиная с V в. на Востоке формируется образ епископа-тирана [Gaddis 2005: 258–281], основными качествами которого были «честолюбие и стремление к власти» [Ibid.: 262], на Западе тиранические черты характеризуют дурных епископов, в частности, в житиях и теологических трактатах VII в. [Биркин 2020; 2022]. Рост власти и влияния епископа в греко-римском (пусть и уже постклассическом) мире означал и осмысление этой фигуры в свойственных позднеантичной культуре категориях власти, отрицательный образ которой в первую очередь строился вокруг риторического топоса тирана [Биркин 2020: 266; Gaddis 2005: 281–282]. Этот топос пронизал античную культуру — он был предметом не только школьных упражнений, но и являлся сквозным для литературы, философии, историописания [Tabacco 1985: 7], он определял черты дурных правителей [Dunkle 1971]. Гнев, жестокость, жадность и властолюбие, которые приписывались плохому епископу в рассмотренных здесь примерах, были его узнаваемыми чертами [Биркин 2020: 265].

Толанд в «Истории друидов», говоря о христианском клире Ирландии, воспринявшем пороки своих языческих предшественников, приводит цитату из проповеди Геральда Валлийского на соборе в Дублине (1186)⁶². Слова Геральда любопытны не только указанием на честолюбие некоторых прелатов, но и тем, что в них воспроизводятся обороты, устойчиво связанные с описанием власти духовенства. Он противопоставляет *prodesse* ‘приносить пользу’ и *praeesse* ‘предводительствовать’, *omen* ‘желание’ и *nomen* ‘имя’, а также *onus* ‘дело’ и *honor* ‘честь’. Оппозиции *onus* — *honor* и *prodesse* — *praeesse* в связи с наименованием (*nomen*) должности епископа встречается в пассаже из сочинения «О граде Божиим» Августина⁶³, в его проповедях встречается и оппозиция *onus* — *honor*⁶⁴. Комплекс этих формул используют позднейшие авторы, рассуждая о епископах, аббатах и даже светских правителях⁶⁵. Толанд, критикуя *priestcraft* в начале XVIII в., приводит слова аббата XII в., опирающегося на текст V в. Сходные формулы и топика продолжают жить в различных аргументах и изменяющихся контекстах.

Таким образом, в позднеантичной литературе, прежде всего христианской, формируется топос властолюбивого и корыстолюбивого религиозного лиде-

⁶¹ *Damasii vit. Isid.* Fr. 104.

⁶² «Sunt enim pastores, qui non pascere querunt, sed pasci: sunt prelati, qui non prodesse cupiunt, sed praeesse: sunt episcopi, qui non omen, sed nomen, non onus, sed honorem amplectuntur» (Giraldi Cambrensis Sermo in concilii Dublinensi) [Toland 1814: 61–62].

⁶³ *Avg. civ.* XIX.19: «propter quod ait apostolus: qui episcopatum desiderat, bonum opus desiderat. exponere uoluit quid sit episcopatus, quia nomen est operis, non honoris. Graecum est enim atque inde ductum uocabulum, quod ille qui praeficitur eis quibus praeficitur superintendit, curam scilicet eorum gerens; σκοπός quippe intentio est; ergo ἐπισκοπεῖν, si uelimus, Latine superintendere possumus dicere, ut intellegat non se esse episcopum, qui praeesse dilexerit, non prodesse».

⁶⁴ *Avg. serm.* 355.6: «nam clericatum per populum suum Deus imposuit ceruicibus ipsius: magis onus est quam honor...»

⁶⁵ Приведу лишь очень влиятельных авторов VI–VII вв.: Бенедикт Нурсийский — про аббатов (*Bened. reg.* 64), Григорий Великий — про светских правителей (*Greg. M. mor.* XXI.15.22), Исидор Севильский — про епископов (*Isid. off. eccl.* II.5.8). См.: [Parsons 1942; 130–131].

ра — епископа/священника (который еще не ассоциировался обязательно с пресвитером). Сама топика, связанная с тираном, была собственно античной, а в поздней античности епископы были фактически фигурами, облеченными властью⁶⁶. При этом христианский церковный тиран получает и ряд характерных именно для него оттенков. Наиболее важны для него профанация особого положения — приближенности к Богу и отречения от мира, — оппозиция дела и почестей, лицемерного и истинного смирения. Этот топос может включаться в обличения, нарративы о воздаянии, и в своеобразный «апотрептический» контекст, где обычный человек с его страстями представляется способным только испортить возвышенное дело епископства.

Заключение

Антиклерикализм Нового времени, естественно, предполагал описание плохих священников, против которых надо выступать. Их портрет был весьма стереотипным у разных авторов, позиции которых, в том числе относительно духовенства, далеко не всегда совпадали (например, позиции лютеранина Мосгейма и философа Гиббона). Этот портрет включал две основные черты: властолюбие и алчность, которые и приводили священников к тирании, главными орудиями которой являлись обряды и суеверие, и к вмешательству в мирские дела. В свою очередь, это вызывало порчу нравов мирян. При этом описание пороков могло быть более или менее развернутым: лицемерие, жестокость, гнев могли дополнять (или, скорее, развивать) картину. Инструменты тирании священников являются стабильным элементом описаний, что позволяет считать их частью топоса. В более поздних текстах эту картину обрамляло объяснение причин порочности клира. Причем объяснения предлагались разные — от характера человека как такового до самого положения священника. В более ранних текстах пороки духовенства описываются лаконичной формулой *ambitio et avaritia* (честолюбие и корыстолюбие).

Однако образ плохого священника формируется и закрепляется еще в поздней античности и оттуда — в том числе непосредственно через ссылки и цитирование — переходит в историческую и философскую литературу раннего Нового времени. Уже в текстах III — начала IV в. приводится описание священников, главными составляющими которого являются стремление к тиранической власти и собственной выгоде, затем — в V в. — это описание прочно входит как в различного рода инвективы, так и в трактаты о священстве. Элементы этого топоса — священника, вернее епископа, профанирующего свое особое положение отреченности от мирского⁶⁷ и близости к Богу, — во многом возникают из элементов античного топоса тирана. Другие элементы описания — всякого рода заблуждения, распространяемые плохими священниками, и зрелищные ритуалы, к которым такие священни-

⁶⁶ См. новаторское исследование о характере этой власти, ставшее уже классическим: [Rapp 2005].

⁶⁷ Здесь можно вспомнить, что Павлу Самосатскому приписывалось стремление называться дученарием, а не епископом (Evseb. *hist.* VII.30.8), т. е. как раз стремление войти в мирскую иерархию.

ки питали слабость, — лишь время от времени сопровождали топос епископа-тирана в поздней античности. В Новое время эти элементы кристаллизуются вокруг классических пороков церковного тирана — лицемерия, алчности и властолюбия (без которого никакой тиран невозможен), в результате чего формируется клишированный ход мысли о священниках, в силу своей порочности разлагающих общество в религиозном, нравственном и политическом отношении. Один и тот же топос стоит за образами зловредного клира в текстах раннего Нового времени и антимоделями епископов в текстах поздней античности. Вряд ли он может быть полностью оторван от топоса политического тирана в силу их родства и, следовательно, общего фонда стабильных черт. Таким образом, маловероятно, что этот топос обладает четкими границами и укладывается в жесткие формулы.

Если рассматривать топос не как клише, которое автор может использовать по своему усмотрению, а как то, что в литературном процессе находится глубже личных авторских предпочтений [Махов 2008: 264] и предпослано творческому акту [Курциус 2020: 546], в том числе акту написания исторического нарратива и философского рассуждения, можно разрешить недоумение аббата Бержье, с которого я начал эту статью. В конце концов он и сам не смог уйти от этого топоса, обратив его на фигуру философа [Bergier 1790: 258].

При сохранении единства топоса примечательным образом меняются его контексты. В поздней античности «плохой священник» отсылал прежде всего к епископу (тем более, что клир еще только формировался), а в Новое время — к клиру в целом (и рассматривался в контексте события деления Церкви на клириков и мирян). На это накладывалась древняя же идея об упадке со временем человеческих институтов, в том числе институтов религии⁶⁸ и об изобретении мифов правителями, чтобы держать простых людей в повиновении⁶⁹.

Древние тексты предполагают, что возвышенную должность священства можно легко обратить в зловредную тиранию, если ее носитель несовершенно. Новые скорее предполагают, что сама должность священника портит носителей. Если в древних текстах именно качества характера определяли возможность хорошего или дурного исполнения должности, то Мосгейм и Гиббон ссылаются на характер как на константу, и ключевая черта человеческой природы для них — стремление к славе или власти, а у Дидро и Канта не характер, а внешние условия являются причиной порочного состояния. «Тирания священников» в целом прививалась на изменяющиеся основания этики, которая в Новое время стала фокусироваться не на качествах — пороках и добродетелях, а на обязательствах и долге⁷⁰, т. е. на должностном положении священника, а не носителе священства как причине «тирании».

⁶⁸ Ср., например, популярный в раннее Новое время пассаж из Страбона (Strab. XVI.2.37) о Моисее, который учил о неизобразимом божестве, воздающем тем, кто живет воздержанно. После Моисея священство досталось людям суеверным, а потом и тиранам [Henny 2018: 35–39].

⁶⁹ Толанд приводит в «Клидофорусе» цитату из того же Страбона (Strab. I.2.8) и других авторов [Toland 1720: 80–81].

⁷⁰ См. классические исследования [Anscombe 1958; Schneewind 1990].

Источники

- Дидро 1947 — *Дидро Д.* План университета или школы публичного преподавания всех наук, для Российского правительства // Дидро Д. Собр. соч. Т. 10: Rossica / Пер. П. И. Люблинского; Ред. А. И. Молок. М.: Гослитиздат, 1947. С. 265–382.
- Avv. civ. — *Aurelii Augustini.* De civitate Dei / Iterum recognovit B. Dombart, A. Kalb. Vol. 2: Lib. XIV–XXII. Leipzig: Tuebner, 1981.
- Avv. *serm.* — *Patrologiae cursus completus. Series Latina / Accurante et recognoscente J.-P. Migne.* Vol. 39: Augustini sermones. Paris: Migne, 1865.
- Bened. *reg.* — *Benedicti Regula / Ed. R. Hanslik.* Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 1960.
- Bergier 1790 — *Bergier N.-S.* Encyclopédie méthodique. Théologie. Vol. 3. Paris: Panckoucke, 1790.
- Chrysost. *de sacerdot.* — *Jean Chrysostome.* Sur le sacerdoce (Dialogue et Homélie) / Introduction, texte critique, traduction et notes A.-M. Malingrey. Paris: Édition du Cerf, 1980.
- Cyprian *ep.* — S. Thasci Caecili Cypriani opera omnia. Vol. 3. Pars 2: Epistulae / Recensuit et commentario critico instruit W. Hartel. Vidobonae: Apvd C. Geroldi filivm, 1871.
- Damascii *vit. Isid.* — *Damascii vitae Isidori reliquiae / Ed. C. Zitzen.* Hildesheim: Olms, 1967.
- Dennis 1702 — *Dennis J.* The danger of priestcraft to religion and government. London: [n. p.], 1702.
- Diderot 1875 — *Diderot D.* Plan d'une université pour le gouvernement de Russie ou d'une éducation publique dans toutes les sciences // Oeuvres complètes de D. Diderot / Texte établi par J. Assezat. Vol. 3. Paris: Garnier frères, 1875.
- Ecclesiastica Historia 1559–1574 — *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica: In 13 vols.* Basileae: Oporinus, 1559–1574.
- Erasmus 1933 — *Desiderii Erasmi Hieronymi Stridonensis Vita // Erasmi Opuscula / edited with introductions and notes by W. K. Ferguson.* The Hague: M. Nijhoff, 1933. P. 134–190.
- Eunap. *vitae sophist.* — *Philostratus.* Lives of the Sophists. *Eunapius.* Lives of the philosophers and Sophists / Trans. by W. C. Wright. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1921.
- Evseb. *hist.* — *Die Kirchengeschichte / Hrsg. von E. Schwarz // Eusebius Werke.* Bd. 2. Leipzig: Hindrichs'sche Buchandlung, 1908. S. 509–904.
- Giannone 1940 — *Giannone P.* Il Triregno. Vol. 3: Del regno papale / A cura di A. Parente. Bari: Laterza, 1940.
- Gibbon 1914 — *Gibbon E.* The history of the decline and fall of the Roman Empire: In 7 vols. / Ed. by J. B. Bury. 4th ed. New York: The Macmillan Company, 1914.
- Greg. M. *mor.* — *S. Gregorii Magni Opera. Moralia in Iob Libri XI–XXII / Cura et studio M. Arian.* Turnhout: Brepols, 1979.
- Greg. M. *past.* — *Grégoire le Grand.* La Règle pastorale. Vol. 1 / Introduction, notes et index par J. Bruno, texte critique par F. Rommel, traduction par C. Morel. Paris: Édition du Cerf, 1992.
- Greg. Naz. *or.* — *Grégoire de Nazianze.* Discours 1–3 / Introduction, texte critique, traduction et notes par J. Bernardi. Paris: Édition du Cerf, 1978.
- Grotius 1732 — *Hugonis Grotii De summo sacerdotio dissertatio // Hugonis Grotii opera omnia theologica: in quatuor tomos divisa.* T. 4. Basileae: Apud E. & J. R. Thurnisios, fratres, 1732.
- Grotius 1928 — *Briefwisseling van Hugo Grotius / Ed. Dr. P. C. Molhuysen.* T. 1. The Hague: M. Nijhoff, 1928.

- Herbert of Cherbury 1633 — *Herbert of Cherbury E. De Veritate, prout distinguitur a revelatione, a verisimili, a possibili, et a falso*. London: Per A. Mattaeum, 1633.
- Hobbes 2008 — *Hobbes T. Leviathan* / Ed. by J. C. A. Gaskin. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Isid. *off. eccl.* — *Isidori Hispalensis De ecclesiasticis officiis* / Ed. C. M. Lawson. Turnhout: Brepols, 1989.
- Kant 1879 — *Kant I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft* / Hrsg. von K. Kehrbach. Leipzig: Reclam, 1879.
- Mosheim 1737 — *Mosheim J. L. Institutiones historiae Christianae antiquioris*. Helmstadii: Apud Weyygand, 1737.
- Mosheim 1753 — *Mosheim J. L. De Rebus Christianorum ante Constantinum Magnum Commentarii*. Helmstadii: Apud Weyygand, 1753.
- Newton n. d. — *Newton I. Drafts on Church history // Yahuda Ms. 2.5b*. National Library of Israel, Jerusalem, Israel.
- Orig. *In Matth.* — *Origenes. Werke*. Bd. 2: *Origenes Matthäuserklärung* / Hrsg. von E. Klostermann, E. Benz. Leipzig: Hindrichs'sche Buchandlung, 1935.
- Pomer. — *Iuliani Pomerii De vita contemplativa libri III // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Accurante et recognoscente J.-P. Migne*. Vol. 59: *S. Gelasius I papa, S. Avitus, S. Faustinus, Joannes Diaconus, Julianus Pomerius, Duo anonimi, Aurelius Prudentius*. Paris: Migne, 1865. Col. 415–520.
- Rvfin. *hist.* — *Die lateinische Übersetzung des Rufinus* / Hrsg. von T. Mommsen // *Eusebius Werke*. Bd. 2. Leipzig: Hindrichs'sche Buchandlung, 1908. S. 957–1040.
- Spinoza 1882 — *Spinoza B. Tractatus theologico-politicus // Benedicti de Spinoza opera, quotquot reperta sunt / recognoverunt J. Van Vloten et J. P. N. Land*. Hagae comitum: apud M. Hijhoff, 1882. P. 367–610.
- Strab. — *Strabo. Geographica* / Ed. A. Meineke. Leipzig: Teubner, 1877.
- Toland 1720 — *Toland J. Tetradymus*. London: J. Brotherton and W. Meadows, 1720.
- Toland 1814 — *Toland J. A new edition of Toland's History of the Druids / Comment by R. Huddleston*. Montrose: James Watt, 1814.

Литература

- Адо 2005 — *Адо П. Духовные упражнения и античная философия* / Пер. с фр. при участии В. А. Воробьева. М.; СПб.: Степной ветер, 2005.
- Антонов 2021 — *Антонов Н. К. К вопросу об авторской стратегии свт. Григория Богослова его «Апологии» (Слово 3 / Ор. 2) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. № 35. 2021. С. 31–51. <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-35-31-51>.
- Биркин 2020 — *Биркин М. Ю. Дурной епископ как тиран в «Сентенциях» Исидора Севильского // Шаги/Steps*. Т. 6. № 2. 2020. С. 259–291. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-2-259-291>.
- Биркин 2022 — *Биркин М. Ю. Тираническая власть епископа и социальное пространство: казус Мериды конца VI в. // Шаги/Steps*. Т. 8. № 3. 2022. С. 137–167. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-137-167>.
- Курциус 2020 — *Курциус Э. П. Европейская литература и латинское Средневековье*. Т. 1 / Пер., коммент. Д. С. Колчигина; Под ред. Ф. Б. Успенского. М.: Изд. дом ЯСК, 2020.
- Махов 2008 — *Махов А. Е. Топос // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 264–266*.
- Мюллер 1971 — *Мюллер В. К. Англо-русский словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
- Anscombe 1958 — Anscombe G. E. Modern moral philosophy // Philosophy*. Vol. 33 (124). 1958. P. 1–19. <https://doi.org/10.1017/S0031819100037943>.

- Barnett 1999 — *Barnett S. J.* Idol temples and crafty priests: The origins of Enlightenment anti-clericalism. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 1999.
- Barnett 2003 — *Barnett S. J.* The Enlightenment and religion. Manchester, UK: Manchester Univ. Press, 2003.
- Daniel 1984 — *Daniel S. H.* John Toland: His methods, manners, and mind. Kingston; Montreal: McGill-Queen's Univ. Press, 1984.
- Daston 1998 — *Daston L.* The nature of nature in Early Modern Europe // *Configurations*. Vol. 6. 1998. P. 149–172. <https://doi.org/10.1353/con.1998.0014>.
- Di Lauro 2007 — *Di Lauro F.* ‘The gracious and favouring interposition of God’: Eusebius and Divine Providence // On a panegyric note: Studies in honour of Garry W. Trompf / Ed. by V. Barker, F. Di Lauro. Sydney: Univ. of Sydney, 2007. P. 205–223.
- Dockter 2013 — *Dockter H.* Klerikerkritik im antiken Christentum. Bonn: Bonn Univ. Press, 2013.
- Dunkle 1971 — *Dunkle J. R.* The Rhetorical Tyrant in Roman Historiography: Sallust, Livy and Tacitus // *The Classical World*. Vol. 65. No. 1. 1971. P. 12–20. <https://doi.org/10.2307/4347532>.
- Elm 2015 — *Elm S.* Apology as autobiography — An episcopal genre? Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, Augustine of Hippo // *Spätantike Konzeptionen von Literatur*. Bd. 2 / Hrsg. von J. Stenger. Heidelberg: Winter, 2015. P. 33–49.
- Gaddis 2005 — *Gaddis M.* There is no crime for those who have Christ: Religious violence in the Christian Roman Empire. Berkeley: Univ. of California Press, 2005.
- Henny 2018 — *Henny S.* Caught in the crossfire of early modern controversy: Strabo on Moses and his corrupt successors // *Intellectual History Review*. Vol. 28. 2018. P. 35–59. <https://doi.org/10.1080/17496977.2018.1402440>.
- Iliffe 1999 — *Iliffe R.* Those “whose business it is to Cavill”: Newton’s anti-Catholicism // *Newton and religion: Context, nature, and influence* / Ed. by J. E. Force, R. H. Popkin. Dordrecht: Springer, 1999. P. 97–119.
- Kors 1990 — *Kors A. C.* Atheism in France, 1650–1729. Vol. 1: The Orthodox Sources of Disbelief. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990.
- Lancaster, McKenzie-McHarg 2018 — *Lancaster J. A. T., McKenzie-McHarg A.* Priestcraft: Anatomizing the anti-clericalism of early modern Europe // *Intellectual History Review*. Vol. 28. No. 1. 2018. P. 7–22. <https://doi.org/10.1080/17496977.2018.1402436>.
- Parsons 1942 — *Parsons W.* The Medieval theory of the tyrant // *The Revue of Politics*. Vol. 4. No. 2. 1942. P. 129–143.
- Pocock 2010 — *Pocock J. G. A.* Barbarism and religion. Vol. 5: Religion: The first triumph. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511778438>.
- Rapp 2005 — *Rapp C.* Holy bishops in Late Antiquity: The nature of Christian leadership in an age of transition. Berkeley: Univ. of California Press, 2005.
- Reboul 1970 — *Reboul O.* Kant et la religion // *Revue d'histoire et de philosophie religieuses*. 50e année. № 2. 1970. P. 137–154. <https://doi.org/10.3406/rhpr.1970.4010>.
- Rotenstreich 1980 — *Rotenstreich N.* Hypostasis and Fetishmaking: Kant’s Concepts and their Transformations // *Kant-Studien*. Vol. 71. No. 1–4. 1980. P. 60–77. <https://doi.org/10.1515/kant.1980.71.1-4.60>.
- Schneewind 1990 — *Schneewind J. B.* The misfortunes of virtue // *Ethics*. Vol. 101. No. 1. 1990. P. 42–63. <https://doi.org/10.1086/293259>.
- Straw 1988 — *Straw C.* Gregory the Great: Perfection in imperfection. Berkeley: Univ. of California Press, 1988.
- Tabacco 1985 — *Tabacco R.* Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua latina: memoria. Torino: Accademia delle scienze, 1985.

References

- Anscombe, G. E. (1958). Modern moral philosophy. *Philosophy*, 33(no. 124), 1–19. <https://doi.org/10.1017/S0031819100037943>.
- Antonov, N. K. (2021). K voprosu ob avtorskoi strategii svt. Grigoriia Bogoslova v ego “Apolo-gii” (Slovo 3 / Or. 2) [On the question of the author’s strategy of St. Gregory the Theologian in the “Apology for His Flight” (Or. 2)]. *Vesnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 35, 31–51. <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-35-31-51>. (In Russian).
- Barnett, S. J. (1999). *Idol temples and crafty priests: The origins of Enlightenment anticlerical-ism*. Palgrave Macmillan.
- Barnett, S. J. (2003). *The Enlightenment and religion*. Manchester Univ. Press.
- Birkin, M. Yu. (2020). Durnoi episkop kak tiran v “Sententsiakh” Isidora Sevil’skogo [Evil bishop as tyrant in Isidore of Seville’s Sententiae]. *Shagi/Steps*, 6(2), 259–291. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-2-259-291>. (In Russian).
- Birkin, M. Yu. (2022). Tiranicheskaia vlast’ episkopa i sotsial’noe prostranstvo: kazu Meridy kontsa VI v. [Tyrannical power of the bishop and social space: The case of Mérida in the late 6th century]. *Shagi/Steps*, 8(3), 137–167. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-137-167>. (In Russian).
- Curtius, E. (1948). *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. A. Francke Verlag. (In German).
- Daniel, S. H. (1984). *John Toland: His methods, manners, and mind*. McGill-Queen’s Univ. Press.
- Daston, L. (1998). The Nature of nature in early modern Europe. *Configurations*, 6, 149–151. <https://doi.org/10.1353/con.1998.0014>.
- Di Lauro, F. (2007). ‘The Gracious and Favouring Interposition of God’: Eusebius and Divine Providence”. In V. Barker, & F. Di Lauro (Eds.). *On a panegyric note: Studies in honour of Garry W. Trompf* (pp. 205–223). Univ. of Sydney.
- Dockter, H. (2013). *Klerikerkritik im antiken Christentum*. Bonn Univ. Press. (In German).
- Dunkle, J. R. (1971). The rhetorical tyrant in Roman historiography: Sallust, Livy and Tacitus. *The Classical World*, 65(1), 12–20. <https://doi.org/10.2307/4347532>.
- Elm, S. (2015). Apology as autobiography — An episcopal genre? Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, Augustine of Hippo. In J. Stenger (Ed.). *Spätantike Konzeptionen von Literatur* (Vol. 2, 33–49). Winter.
- Gaddis, M. (2005). *There is no crime for those who have Christ: Religious violence in the Christian Roman Empire*. Univ. of California Press.
- Hadot, P. (1987). *Exercices spirituels et philosophie antique*. Etudes augustiniennes. (In French).
- Henny, S. (2018). Caught in the crossfire of early modern controversy: Strabo on Moses and his corrupt successors. *Intellectual History Review*, 28, 35–39. <https://doi.org/10.1080/17496977.2018.1402440>.
- Iliffe, R. (1999). Those “whose business it is to Cavill”: Newton’s anti-Catholicism. In J. E. Force, & R. H. Popkin (Eds.). *Newton and religion: Context, nature, and influence* (pp. 97–119). Springer.
- Kors, A. C. (1990). *Atheism in France, 1650–1729. Vol. 1: The Orthodox sources of disbelief*. Princeton Univ. Press.
- Lancaster, J. A. T., & McKenzie-McHarg, A. (2018). Priestcraft: Anatomizing the anti-clerical-ism of early modern Europe. *Intellectual History Review*, 28(1), 7–22. <https://doi.org/10.1080/17496977.2018.1402436>
- Makhov, A. E. (2008). Topos. In N. D. Tamarchenko (Ed.). *Poetika: Slovar’ aktual’nykh terminov i poniatii* (pp. 264–266). Izdatel’stvo Kulaginoi; Intrada. (In Russian).
- Miuller, V. K. (1971). *Anglo-russkii slovar’* [English-Russian dictionary]. Sovetskaia Entsiklopediia. (In Russian).

- Parsons, W. (1942). The Medieval theory of the tyrant. *The Revue of Politics*, 4(2), 129–143.
- Поскок, J. G. A. (2010). *Barbarism and religion. Vol. 5: Religion: The first triumph*. Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511778438>.
- Rapp, C. (2005). *Holy bishops in Late Antiquity: The nature of Christian leadership in an age of transition*. Univ. of California Press.
- Reboul, O. (1970). Kant et la religion. *Revue d'histoire et de philosophie religieuses*, 50(2), 137–154. (In French). <https://doi.org/10.3406/rhpr.1970.4010>.
- Rotenstreich, N. (1980). Hypostasis and fetishmaking: Kant's concepts and their transformations. *Kant-Studien*, 71(1–4), 60–77. <https://doi.org/10.1515/kant.1980.71.1-4.60>.
- Schneewind, J. B. (1990). The misfortunes of virtue. *Ethics*, 101(1), 42–63. <https://doi.org/10.1086/293259>.
- Straw, C. (1988). *Gregory the Great: Perfection in imperfection*. Univ. of California Press.
- Tabacco, R. (1985). *Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua latina: memoria*. Accademia delle scienze. (In Italian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Сергей Александрович Воронцов

кандидат философских наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория исследований церковных
институций, богословский факультет,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
РФ, 127051, Москва, Лихов пер., д. 6,
стр. 1
Тел.: +7 (495) 114-50-69
✉ vorontsoff.s@gmail.com

Sergey A. Vorontsov

Cand. Sci. (Philosophy)
Research Fellow, Ecclesiastic Institutions
Research Laboratory, Faculty of Theology,
St. Tikhon's Orthodox University
Russia, 127051, Moscow, Likhov Lane, 6,
Bld. 1
Tel.: +7 (495) 114-50-69
✉ vorontsoff.s@gmail.com